

Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura [The Caspian region: Politics, Economics, Culture], 2016, no. 3 (48), pp. 111–117.

7. Yakushenkov S. N. Chuzhoi kak subekt i obekt kulturnoy politiki [Alien as the subject and object of cultural policy]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konfentsii "Dostizheniya i problemy sovremennoy nauki" (03 noyabrya 2015 g.)* [Materials of the International Scientific and Practical Conference "Achievements and problems of modern science (November 3, 2015)"], 2015, part 2, pp. 17–20.

8. Cohen, A. P. *The symbolic construction of community*. Chichester; E. Horwood; London; New York, Tavistock Publ., 1985.

9. Farrell W. *The Myth of Male Power*. New York, Simon & Schuster Publ., 1993.

БУДДИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН У КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, профессор
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Статья посвящена проблеме влияния буддизма на положение женщин у кочевников Центральной Азии. Отмечается, что распространение буддизма в Монголии и Джунгарии способствовало улучшению положения женщин в обществе и повышению их социального статуса, который и до этого был достаточно высок. И хотя пока нет значительного количества фактов, говорящих об участии женщин в распространении буддизма среди кочевых народов Центральной Азии, можно предположить по аналогии с такими странами, как Китай, Япония, Тибет, что женщины из числа придворной элиты все же сыграли определённую роль в этом процессе. Буддизм также повлиял и на менталитет монгольских женщин, которые отличались известной свободой и самостоятельностью.

Ключевые слова: буддизм, женщина, буддистка, Монголия, Джунгария, Центральная Азия, кочевники, монголы, тенгрианство

BUDDHISM AND ITS INFLUENCE ON THE POSITION OF WOMEN AMONG THE NOMADS OF CENTRAL ASIA

Ulanov Mergen S., D.Sc. (Philosophy), Professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
11 Pushkina Str., Elista, 358000, Russian Federation, Republic of Kalmykia
E-mail: ulanov1974@mail.ru

The article is devoted to the problem of the influence of Buddhism on the position of women among the nomads of Central Asia. It is noted that the spread of Buddhism in Mongolia and Dzungaria helped to improve the status of women in society and increase their social status, which had been quite high before. And while there are not yet a significant number of facts that speak of the participation of women in the spread of Buddhism among the nomadic peoples of Central Asia, it can be assumed, by analogy with countries such as China, Japan, Tibet, that women from the court elite still played a role in this process. Buddhism also influenced the mentality of Mongolian women, who were known for their freedom and independence.

Keywords: Buddhism, woman, Buddhist, Mongolia, Dzungaria, Central Asia, nomads, Mongols, Tengrianism

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 18-011-00128; № 16-23-03002a(м). (The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, projects No. 18-011-00128; No. 16-23-03002a (m).)

Известно, что социальный статус женщин определяется целым рядом факторов, среди которых не последнюю роль продолжает играть религия. Ещё во второй половине XIX столетия религия, даже в Европе, нередко ограничивала свободы и права женской половины населения. В XX столетии гендерная ситуация поменялась в лучшую сторону. В результате продолжительной борьбы левых политических партий и женских организаций женщины в разных регионах мира получили равные права с мужчинами. Однако, несмотря на процессы, связанные с устранением гендерного неравенства, во многих странах современного мира положение женщины в социуме продолжает оставаться одной из актуальных проблем, активно обсуждаемой, как в СМИ, так и в научной литературе. В связи с этим вполне закономерно обращение к проблеме положения женщины у кочевников Центральной Азии и влияния на него религиозных представлений, прежде всего буддизма.

Следует отметить, что распространение буддизма среди кочевников Центральной Азии представляет собой длительный и сложный процесс, в котором обычно выделяют три основных периода. Первый этап распространения буддизма в монгольских степях, вероятно, начался ещё в период владычества здесь хуннских племен и длился до XII столетия. Учёные утверждают о наличии буддийских элементов в культуре хуннской, сяньбийской, жужанской, тюркской кочевых держав, а также киданьской империи Ляо.

Говоря о распространении буддизма среди хунну, обычно вспоминают хрестоматийный факт, известный из китайских источников, свидетельствующий о наличии у кочевников золотой статуи, которой они поклонялись и приносили жертвы [22, с. 344]. Исходя из данного сюжета, некоторые исследователи соотносят указанную скульптуру с изображением Будды и делают вывод о знакомстве хунну с буддийской религией ещё в I тыс. до н.э. [8, с. 7]. Схожего мнения придерживался и монгольский историк Г. Сухбатор [21, с. 61–65], который считал, что знакомство кочевников с буддийской традицией является естественным следствием длительных контактов хунну с народами, исповедовавшими буддизм. Можно предположить, что данная религия могла проникнуть в монгольские степи из Средней Азии и Афганистана, где буддизм к тому времени уже был хорошо известен.

Буддизм мог проникать к хунну через династийные браки с соседними народами. Известно, что инициатором распространения новой религии у кочевников Центральной Азии, как правило, была правящая элита. Китайские письменные источники свидетельствуют, что кочевая империя хунну в эпоху наивысшего расцвета имела, закреплённые специальным договором, тесные контакты с ханьским Китаем. В силу этого между двумя народами иногда происходили и династийные браки. Как правило, ханьские принцессы выходили замуж за хуннских правителей. Вероятно, шаньюи имели жен и наложниц и из государств «Западного Края», где буддизм в то время имел довольно широкое распространение.

Похожая история была и в других странах, например, в Тибете. Поэтому можно предположить, что китайские принцессы играли важную роль в распространении буддизма и среди других кочевых народов: сяньбийцев, жужаней, тюркютов, киданей и т.д. Сведений о знакомстве их с буддизмом также немного, но они отличаются большей определённой. Как отмечал Г. Сухбатор [21, с. 65–67], некоторые вожди и государи данных народов не только были знакомы с буддизмом, но и активно интересовались его учением и даже носили имена буддийского происхождения.

Что касается буддизма в Жужаньском каганате, то, как отмечает, Е.В. Ковычев, местные буддисты даже располагали своими святынями, в частности, зубом Будды, а также множеством культовых мест и рядом монастырей, которые играли роль не только сакральных, но и политических центров державы [11]. Отдельные сведения о наличии буддийских проповедников при правителях жужанского государства приводит Г. Сухбатор, который опирался на некоторые письменные источники,

а также упоминает о каменных стелах и изваяниях того времени с надписями буддийского содержания [21, с. 67–68].

В то же время буддизм здесь, вероятно, был тесно связан с шаманизмом, о чём свидетельствуют некоторые письменные источники, один из которых приводит Н.Я. Бичурин. В данном тексте речь идёт о некой женщине – «Чабганце, Фушенмуевей жене, по имени Дэухунь Дивань», которая, чтобы помочь кагану Чоуну найти сына, «в 15-й день восьмой луны, поставили середине большого озера юрту; держали перед сим семидневный пост; во всю ночь, молились духу Неба» [2, с. 197]. Здесь мы отчетливо видим переплетение буддийских и шаманских элементов, которое имело место в истории Центральной Азии и Южной Сибири. О буддийском влиянии свидетельствует термин «чабганца» или «шабаганца», который означал «буддийская монахиня в миру». Так, в «Религиозном уставе монголо-бурятского духовенства Забайкалья» от 1831 г. говорится, что «устарелые женщины, имеющие 50 лет и более, ежели из набожности пожелают вступить в Чабаганцы, таковых посвящать с наблюдением, чтоб замужняя женщина имела на то согласие своего мужа, но не вносить в списки дацанов» [23, с. 266]. О шаманском же элементе свидетельствует информация о том, что она волхвовала и молилась духам.

Буддийские храмы, статуи бодхисатв и будд, пластику малых форм с буддийскими сюжетами можно обнаружить и у центральноазиатских кочевников в эпоху господства здесь Западного Тюркского каганата [11]. По мнению А. Берзина, «многие вожди западных тюрок переняли буддизм у местного населения и в 590 г. построили ... буддийский монастырь в Каписе. В 622 г. правитель западных тюрок каган Тонгшиху официально принял буддизм под руководством Прабхакарамитры, монаха из северной Индии» [1]. Буддизм проникал к тюркам и из Китая, императоры которого, пытались использовать буддизм в формировании их отношений с Тюркским каганатом. Учитывая распространённость династических браков между тюркскими и китайскими правителями, можно предположить, что не последнюю роль этом процессе играли китайские принцессы.

Т. Порцио, отмечает, что китайский император Мин-ди (494–498) даже украсил один из буддийских храмов надписью, которая восхваляла добродетельные деяния Мукан-кагана (553–572), одним из которых было принятие буддизма. Другой тюркский каган Таспар или Татпар (572–581), согласно китайским источникам, также был обращен в буддизм китайским монахом Хуэйлинь. Известно, что он даже возвёл буддийский храм для монахов. По просьбе Таспара, правитель династии Северная Ци отправил ему в 574 г. Паринирвана-сутру [25, р. 19]. Впрочем, в тюркском обществе были и противники буддизма, которые указывали на то, что буддийское учение «делает людей человеколюбивыми и слабыми, а не воинственными и сильными» [2, с. 274]. Подобные аргументы мы могли быть убедительными только для мужчин, тогда как женщины на Востоке традиционно симпатизировали буддийскому гуманизму и состраданию.

В целом, находящиеся в распоряжении историков источники не позволяют пока вести речь о широком распространении буддийского учения среди кочевников периода поздней древности. Вероятнее всего, буддизм имел популярность, главным образом, у местной элиты, знакомой с данной религией благодаря дипломатическим и торговым связям с соседними буддийскими регионами, а также династическим бракам.

В этот период здесь, вероятно, господствовало тенгрианское мировоззрение. Как отмечает Т.С. Жумаганбетов, кочевники Центральной Азии привыкли жить в мире, где господствовал политеизм. За каждой стороной жизни, за любым явлением природы кочевники видели деятельность различных мистических сил, которые персонифицировались в Тенгри, Умай, Эрклиг-хана и т.д. В данный ряд встраивались и божества других религиозных традиций. Гибкость тенгрианской религии заключалась в том, что кочевники, знакомясь с новыми для себя конфессиями, не отвергали, но и не принимали их полностью. Центральноазиатские кочевники органично вбирали новые религии и культы в свою культуру и творчески перерабатывали, в результате чего они достаточно быстро становились частью их духовной традиции [9, с. 157].

Тенгрианское мировоззрение провозглашало такие этические принципы, как справедливость и честность в отношении любого человека независимо от пола. Следует отметить, что в тенгрианской культуре женщина занимала достаточно высокое для того времени положение в социуме. Женщины данного региона были активными участниками общественной жизни. Они принимали участие почти во всех видах состязаний того времени. «Равноправие мужчин и женщин учитывалось при вступлении в брак. Брак с недостойным человеком был для женщины унижением ее достоинства. В обществе, где еще сохранялось тенгрианское сознание, не допускали унижения человека, и женщина не исключение» [6, с. 40–41].

Уважительное отношение к женщине у кочевников Центральной Азии основывалось и на наличии популярных женских божеств в тенгрианском пантеоне. Одним из таких божеств была Иер-Су, или священная Земля-Вода, которая олицетворяла Родину, родную землю [20, с. 216]. Иер-Су, которая стояла над всеми духами-владельцами лесов, гор, скал, рек и долин, представляли в виде женщины, в честь которой кочевники устраивали моления и приносились жертвоприношения. Почётное место в пантеоне богов кочевников занимала богиня Умай, считавшаяся покровительницей всего мира животных и птиц [24, с. 62]. В рунических текстах древних тюрков Умай перечисляется в одном ряду с самыми почитаемыми божествами кочевников: «Небо (Тенгри – прим. М.У.), богиня Умай, священная Земля-Вода – вот они, надо думать, даровали нам победу» [7, с. 270–271].

Среди средневековых кочевников Центральной Азии необходимо особо выделить монголоязычных киданей, которые в наибольшей степени испытали влияние буддизма. Известно, что кидани первыми смогли объединить значительное число монгольских этносов и племён, создав на их основе крупную кочевую империю. Знакомство с буддизмом у киданей произошло достаточно рано. При этом, как отмечает Г.Г. Пиков, можно говорить о своеобразной киданизации данной мировой религии, которая заключалась в соединении буддизма с кочевыми культурами и верованиями, что можно назвать реформацией сверху. Буддизм способствовал консолидации разноплеменного государства, поэтому киданьская элита приняла новую религию и способствовала укреплению буддийской церкви. Распространяясь первоначально среди земледельческого населения империи Ляо, буддизм приобрёл сторонников и среди кочевников, преимущественно знатных [15, с. 60–62]. Фактически буддизм в империи Ляо стал официальной государственной религией.

Имея достаточно широкое распространение, буддизм не мог не оказывать определённое позитивное влияние и на положение женщин. Так, А.В. Даньшин указывает на независимое положение женщин в киданьском обществе. Особенно это касается знати, среди которой буддизм имел наиболее сильные позиции. Известно, что в отдельные периоды киданьские императрицы даже полностью захватывали власть. И хотя о незнатных киданьских женщинах сохранилось мало сведений, можно утверждать, что они играли важную роль в полукочевой системе хозяйства. Кроме того, киданьские женщины, по сравнению с китайскими, пользовались гораздо большей свободой при заключении и расторжении брака [4, с. 12].

Вторая волна распространения буддийской религии среди кочевников Центральной Азии начинается в эпоху Чингисхана. Данный процесс был связан с созданием единого общемонгольского государства и формирования монгольской народности. Однако буддизм в этот период получил распространение главным образом среди знати. Важную роль здесь сыграл император Хубилай (1264–1295), который покровительствовал буддизму, хотя говорить о провозглашении его государственной религией, наверное, нельзя. Распространению буддизма способствовала просветительская деятельность тибетского Пагба-ламы из школы Сакьяпа, который разработал идею союза двух властей – светской и духовной, схожую с византийской «симфонией властей». По мнению монгольского историка ламы Эрдэнипэла приглашение Пагба-ламы «объясняется тем, что жена Хубилая Дзамба исповедовала буддизм, и в осо-

бенности буддизм школы сакьяпа. Хубилай под влиянием своей жены принял буддизм, почему и пригласил Пагба-ламу Лодойджалцана» [7, с. 188]. Буддизм исповедовали некоторые другие знатные монгольские женщины. Так, есть сведения о том, внучка Толуя Келмиш-ака была ревностной буддисткой [12, с. 199].

О положении монгольских женщин в этот период в исторических источниках содержится мало информации. Однако известно, что женщины имели определённую степень свободы и должны были служить государству наравне с мужчинами. Плано Карпини отмечал, что монгольские «девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно» [19, с. 16]. Таким образом, здесь можно отметить феномен относительного равноправия мужчин и женщин у кочевников.

Играв важную роль в хозяйственной жизни, монгольские женщины того периода занимали достаточно высокое положение и в общественной жизни. Особенно это касается знатных женщин [3, с. 351]. Так, монгольские ханши меркитского происхождения сыграли важную роль в истории Монгольской империи. Вдова Великого хана Угедея (1229–1241 гг.) Туракина-хатун правила Монгольской империей в качестве регента несколько лет. Другая женщина из племени меркитов Огул-Гаймиш также была фактической правительницей монгольской империи вслед за ней. Значительной была и роль Кулан-хатун – второй по значению жены Чингизхана, дочери вождя меркитов Усуна.

В этот период некоторое распространение в монгольском обществе получило и несторианское христианство. Известно, что несторианами в Средние века были отдельные монгольские народы, в частности, керейты, покорённые позже Чингисханом и вошедшие в состав ряда тюркских и монгольских этносов. Многие Чингизиды брали в жены керейтских принцесс, которые исповедовали христианство несторианского толка. Главной покровительницей несториан на территории Монгольской империи была Сорхатани-беки, дочь керейтского Ван-хана и жена Толуя. Она была матерью Великих ханов Менгу и Хубилая, а также монгольского правителя Ближнего Востока Хулагу. Женой последнего стала другая керейтская принцесса Докуз-хатун, которая активно поддерживала христиан в этом регионе [13, с. 42]. Следует отметить, что буддизм и несторианство достаточно мирно уживались друг с другом, формируя традицию евразийской толерантности.

Третья волна буддизма пришла в центральноазиатские степи на рубеже XVI–XVII вв. Распространению буддизма в этот период способствовали прежде всего социально-политические факторы. Новая религия закрепила сложившиеся социальные отношения и способствовала политическому союзу раздробленных княжеств между собой. Буддизм, таким образом, выступал как фактор политической интеграции противоречивости и сепаратизму. При этом главной формой распространившегося среди монголов тибетского буддизма стала «жёлтошапочная» традиция Гелуг («школа добродетели»). Строгое соблюдение монашеской дисциплины и серьёзное религиозно-философское образование монахов, безусловно, укрепляло духовный авторитет представителей данной школы.

Известно также, что некоторые знатные женщины способствовали строительству буддийских храмов и монастырей в данный период. Так, «знаменитый буддийский монастырь Аблайин-кит, развалины которого сохранились недалеко от г. Усть-Каменогорска, своим существованием обязан Сайханжу, матери хошутского Аблай-Таши, которая пожелала его построить, а его исполнение было завершено сыном Аблаем» [14, с. 88].

Распространение буддизма на этом этапе было связано с деятельностью правителя Халха-Монголии Алтан-хан (1548–1582), который пригласил к себе из Тибета одного из иерархов буддийской традиции Гелук Сонама Гьяцо, которому в 1577 г. даровал титул Далай-ламы. В результате, Алтан-хан выпустил манифест о принятии

буддизма во всей Монголии. В этот период появляются первые законодательные документы, в которых фиксируются некоторые буддийские принципы.

Среди правовых источников данного периода особое место занимает Закон Хутуктай-Сэчена (1577 или 1578 г.). Данный юридический документ относится к правовым памятникам Южной Монголии и является светским правовым актом, который целиком был посвящён регулированию государственно-конфессиональных взаимоотношений. Закон был издан сразу после принятия буддизма в Монголии в качестве официальной религии и, по-видимому, мог стать началом формирования монгольского буддийского («канонического») права. Это сравнительно небольшой документ сохранился в двух редакциях – первоначальной монгольской и несколько более поздней тибетской [18, с. 207].

Женский вопрос здесь затрагивается в п. 3 тибетской версии закона, который посвящён уничтожению древнего степного обычая, широко распространённого и среди монголов – умерщвления скота, членов семьи и рабов умершего: «Если раньше с кончиной монгола убивали и хоронили с ним жену, рабов и лошадей, исходя из его состояния, то отныне запретить убиение, а лошадь, скот, имущество в соответствующем количестве преподнести ламам и их послушникам» [5, с. 40].

В монгольской версии упоминается только о жертвоприношениях животными. Кроме того, п. 6 монгольской версии устанавливает ответственность и для самих представителей духовенства за правонарушения разного рода. Например, предусмотрены наказания за женитьбу священнослужителя, чей сан не допускает вступления в брак: «Если тойны или простые монахи, преступив закон учения, возьмут жену, следует им вымазать сажей лицо, заставить трижды обойти монастырские кумирни [против солнца] и изгнать до исправления» [18, с. 215].

Важным письменным правовым источником для исследования положения женщин в Монголии и Джунгарии в XVII в. является «Ики Цааджин Бичик» или «Их цааз» – монголо-ойратские законы 1640 г. Как известно, данный свод законов был принят на съезде ойратских и халхаских князей в присутствии буддийских лам. Влияние буддийского учения на монголо-ойратские законы 1640 г. проявлялась в их более гуманном характере. В отличие от Ясы Чингисхана, где казнь была очень распространенной формой, в «Ики Цааджин Бичик» практически не упоминается подобного рода наказание. Влияние гуманистического и толерантного буддийского учения можно наблюдать в статье, касающейся наказания женщины за прелюбодеяние. Так, например, женщина, уличённая в измене мужу, наказывались лишь относительно небольшим штрафом в пользу владельца улуса: «Если замужняя женщина сойдется с посторонним мужчиной по обоюдному согласию и взаимной любви, то с женщины взять четыре /головы скота/, а с мужчины – пять» [10, с. 23]. В то время как в Ясе прелюбодеяние каралось только смертью. Подобного рода наказание существовало и в правовой практике соседних народов, исповедовавших ислам, где, согласно шариату, супружеская измена также наказывалась казнью.

В монголо-ойратских законах 1640 г. специально была прописана защита прав буддийского духовенства, в том числе и женского: «За оскорбление банди или шабаганцы взять пяток /скота/. А того, кто их побьет, наказать девятком» [10, с. 16]. Здесь следует отметить, что в Монголии и Джунгарии женское монашество получило распространение в форме принятия обетов шабаганцы (чабаганцы). Шабаганца (тиб. рабджунгма) представляла собой монахиню, принявшую обеты самой низкой степени монашества, которая примерно соответствовала степени банди (тиб. рабджунг). Однако исторические женских монастырей в Монголии практически не было. Монашеское посвящение монголки получали, как правило, уже в преклонном возрасте, не покидая круга семьи. Хотя, конечно, были случаи, когда престарелые шабаганцы проживали и при мужских монастырях. Известный русский монголовед А.В. Попов отмечал, что «чабаганцы же суть настоящие монахини: пожилые женщины, с посвящением в этот сан совершенно уже отказываются от наслаждения мира,

хотя и живут иногда в своих семействах, они бреют волосы на голове и носят платье красного и желтого цвета...» [16, с. 12]. Другие женские монашеские степеней (тиб. гецулма и гелонгма) в Монголии широкого распространения не получили.

Кроме монахинь-шабаганцев существовали также убасанцы (тиб. гьенима) – мирянки, принявшие пять обетов, которые не входили в состав буддийского монашества, но пользовались уважением и почётом в обществе. Посвящение в духовное звание убасанцы было значимо тем, что с данного момента женщина получала официального духовного наставника в лице того ламы, который проводил это посвящение. Уложение 1640 г. также прописывало наказание за причинение им вреда: «За оскорбление убашаи или убасанцы оштрафовать одной лошадью. А того, кто их побьёт, наказать в зависимости от нанесенного им увечья» [10, с. 16].

В целом, распространение буддизма в Монголии и Джунгарии способствовало улучшению положения женщин в обществе и повышению их социального статуса, который и до этого был достаточно высок. И хотя пока нет значительного количества фактов, говорящих об участии женщин в распространении буддизма среди кочевых народов Центральной Азии, можно предположить, по аналогии с такими странами, как Китай, Япония, Тибет, что женщины из числа придворной элиты всё же сыграли определённую роль в этом процессе. Буддизм также повлиял и на менталитет монгольских женщин, которые отличались известной свободой и самостоятельностью. Большинство исследователей отмечает высокий нравственный уровень женщин у монгольских народов, их высокую религиозность и строгость в соблюдении буддийских нравственных и обетов. Несмотря на то, что женщины в монгольском мире не признавались полностью равноправными мужчинам, их положение в обществе заметно отличалось от положения женщин в государствах арабского, мусульманского и даже конфуцианского Востока.

Список литературы

1. Берзин, А. История буддизма и ислама в Афганистане / А. Берзин. – Режим доступа: <https://studybuddhism.com/ru/prodvintuyy-uroven/istoriya-i-kultura/buddizm-v-tsentralnoy-azii/istoriya-buddizma-i-islama-v-afganistane>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин (Иакинф). – Москва – Ленинград : Академия наук СССР, 1950. – Т. 1. – LXXXI. – 382 с.
3. Владимирцев, Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б. Я. Владимирцев. – Москва : Восточная литература, 2002. – 557 с.
4. Даньшин, А. В. Государство и право киданей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Даньшин. – Ленинград, 1985. – 15 с.
5. Дугаров, Р. Н. Очерки средневековой истории Кукунора (Ойрат-монгольская цивилизация IV–XIX вв.) / Р. Н. Дугаров. – Улан-Удэ : Бурятское книж. изд-во, 2003. – 121 с.
6. Жаркимбаева, Д. Б. О роли религии в формировании гендерных отношений и гендерного сознания: тенгрианство и ислам / Д. Б. Жаркимбаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 4 (400). – С. 39–42.
7. Железняков А. С., Цендина А. Д. История в трудах ученых лам / А. С. Железняков, А. Д. Цендина. – Москва : КМК, 2005. – 275 с.
8. Жуковская, Н. Л. Буддизм в истории монголов и бурят: политический и культурный аспекты / Н. Л. Жуковская // Буддийский мир : альманах. – Москва : Раритет, 1994. – С. 6–16.
9. Жумаганбетов, Т. С. Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах / Т. С. Жумаганбетов // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 4. – С. 154–162.
10. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. – Москва : Восточная литература. 1981. – 148 с.
11. Ковычев, Е. В. Буддийские элементы в средневековых памятниках / Е. В. Ковычев. – Режим доступа: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=7497>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Костюков, В. П. Буддизм в культуре Золотой Орды / В. П. Костюков // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – Москва : Восточная литература. 2009. – С. 189–236.

13. Майоров, А. В. Монгольская угроза и христианский мир Европы в середине XIII века / А. В. Майоров // Вопросы истории. – 2013. – № 4. – С. 34–49.
14. Наднеева, К. А. Многоуровневый образ женщины монголоязычных народов / К. А. Наднеева // Философия права. – 2015. – № 6 (73). – С. 84–88.
15. Пиков, Г. Г. Буддизм в государстве Киданей / Г. Г. Пиков // Тезисы Всесоюзной буддологической конференции (Москва, ноябрь 1987 г.). – Москва : Наука, Восточная литература, 1987. – С. 60–62.
16. Попов, А. В. Замечания на статью Г. Щукина о ламайской вере / А. В. Попов // Отечественные записки. – 1847. – Т. 53, отд. 8. – С. 4–13.
17. Потапов, Л. Н. Умай – божество древних тюрок в свете этнографических данных / Л. Н. Потапов // Тюркологический сборник. 1972. – Москва : Наука, 1973. – С. 265–286.
18. Почакаев, Р. Ю. Закон Хугуктай-Сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. / Р. Ю. Почакаев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 1. – С. 204–224.
19. Рубрук, А. В. История Монголов / В. Рубрук, И. П. Карпини // Путешествие в восточные страны. – Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1911. – 232 с.
20. Стеблева, И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы / И. В. Стеблева // Тюркологический сборник. 1971. – Москва : Наука, 1972. – С. 213–226.
21. Сухбаттар, Г. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии / Г. Сухбаттар // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 61–71.
22. Сыма, Цянь. Исторические записки / Сыма Цянь. – Москва : Восточная литература, 2002. – Т. 8. – 510 с.
23. Цыремпилов, Н. В. Буддизм и империя. Бурятская община в России (XVIII – нач. XX в.) / Н. В. Цыремпилов. – Улан-Удэ : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013. – 338 с.
24. Шарипов, Р. Г. Духовная культура древнетюркской цивилизации: Менталитет. Религия. Искусство. Эпос / Р. Г. Шарипов. – Уфа : Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2015. – 154 с.
25. Porcio, T. The Turkic peoples of Central Asia and Buddhism / T. Porcio // *Mongolica Pragensia* '15. Linguistics, Ethnolinguistics, Religion and Culture. – 2015. – Vol. 8, № 2. – P. 16–42.

References

1. Berzin A. *Istoriya buddizma i islama v Afganistane* [History of Buddhism and Islam in Afghanistan]. Available at: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyy-uroven/istoriya-i-kultura/buddizm-v-tsentrallyy-azii/istoriya-buddizma-i-islama-v-afganistane>.
2. Bichurin N. Ya. (Iakinf). *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow – Leningrad, Academy of Sciences USSR Publ., 1950, vol. 1, LXXXI, 382 p.
3. Vladimirtsev B. Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongolskikh narodov* [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, 557 p.
4. Danshin A. V. *Avtoferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk "Gosudarstvo i pravo kidaney"* [The dissertation author's abstract on competition of the candidate of legal sciences "State and Law of Khitan"]. Leningrad, 1985, 15 p.
5. Dugarov R. N. *Ocherki srednevekovoy istorii Kukurora (Oirat-mongolskaya tsivilizatsiya IV–XIX vv.)* [Essays on the medieval history of Kukurora (Oirat-Mongolian civilization of the 4th–19th centuries)]. Ulan-Ude, Buryat Publ. House, 2003, 121 p.
6. Zharkimbaeva D. B. O roli religii v formirovaniy gendernyh otnosheniy i gendernogo soznaniya: tengrianstvo i islam [On the role of religion in the formation of gender relations and gender consciousness: Tengrianism and Islam]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2017, no. 4 (400), pp. 39–42.
7. Zheleznyakov A. S., Cendina A. D. *Istoriya v trudakh uchenykh lam* [History in the writings of lamas scholars]. Moscow, KMK Publ., 2005, 275 p.
8. Zhukovskaya N. L. Buddizm v istorii mongolov i buryat: politicheskii i kulturnyy aspekty [Buddhism in the history of the Mongols and Buryats: political and cultural aspects]. *Almanakh "Buddiyskiy mir"* [Almanac "The Buddhist World"]. Moscow, Raritet Publ., 1994, pp. 6–16.
9. Zhumaganbetov T. S. Genezis gosudarstvenno-religioznoy ideologii v drevnetyurkskikh kaganatakh [Genesis of state-religious ideology in the ancient Türkic kaganates]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2006, no. 4, pp. 154–162.

10. *Ih Caaz* ("Velikoe ulozhenie"). *Pamyatnik mongolskogo feodalnogo prava XVII v.* [Ih Caaz ("Great Code"). Monument to the Mongolian feudal law of the XVII century]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1981, 148 p.
11. Kovychev Ye. V. *Buddiyskie elementy v srednevekovykh pamyatnikakh* [Buddhist elements in medieval monuments]. Available at: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=7497>.
12. Kostyukov V. P. *Buddizm v kulture Zolotoy Ordy* [Buddhism in the culture of the Golden Horde]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2007–2008. Istoriya i kultura tyurkskikh narodov Rossii i sopredelnykh stran* [Turkic collection. 2007–2008. History and culture of the Turkic peoples of Russia and neighboring countries]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2009, pp. 189–236.
13. Mayorov A. V. *Mongolskaya ugroza i hristianskiy mir Evropy v seredine XIII veka* [The Mongolian Threat and the Christian World of Europe in the middle of the 13th century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2013, no. 4, pp. 34–49.
14. Nadneeva K. A. *Mnogourovnevnyy obraz zhenshchiny mongoloyazychnykh narodov* [Multilevel image of a woman of Mongolian-speaking peoples]. *Filosofiya prava* [Philosophy of law], 2015, no. 6 (73), pp. 84–88.
15. Pikov G. G. *Buddizm v gosudarstve Kidaney* [Buddhism in the state of the Khitan]. *Tezisy Vsesojuznoy buddologicheskoy konferentsii* [Theses of the All-Union Buddhist Conference (Moscow, November 1987)]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 1987, pp. 60–62.
16. Popov A. V. *Zamechaniya na statyu G. Shchukina o lamayskoy vere* [Remarks on the article by G. Shchukin on the Lamaic faith]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1847, vol. 53, secession 8, pp. 4–13.
17. Potapov L. N. *Umay – bozhestvo drevnikh tyurkov v svete etnograficheskikh dannykh* [Umai is a deity of ancient Türks in the light of ethnographic data]. *Tyurkologicheskii sbornik. 1972* [Türkological collection. 1972]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 265–286.
18. Pochekaev R. Yu. *Zakon Khutuktay-Sechena i osobennosti razvitiya mongolskogo prava na rubezhe XVI–XVII vv.* [Law of Hutuktai-Sachen and features of the development of Mongolian law at the turn of the 16th–17th centuries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 2013, no. 1, pp. 204–224.
19. Rubruk V., Karpini I. P. *Istoriya Mongolov* [History of the Mongols]. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Journey to the Eastern countries]. St. Petersburg, Printing House A. S. Suvorin's, 1911, 232 p.
20. Stebleva I. V. *K rekonstruktsii drevnetyurkskoy religiozno-mifologicheskoy sistemy* [To the reconstruction of the ancient Turkic religious-mythological system]. *Tyurkologicheskii sbornik. 1971* [Türkological collection. 1971]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 213–226.
21. Sukhbatar G. *K voprosu o rasprostraneniі buddizma sredi rannikh kochevnikov Mongolii* [On the issue of the spread of Buddhism among the early nomads of Mongolia]. *Arkheologiya I etnografiya Mongolii* [Archeology and Ethnography of Mongolia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 61–71.
22. Syma Tsyau. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, vol. 8, 510 p.
23. Tsyrempilov N. V. *Buddizm i imperiya. Buryatskaya obshchina v Rossii (XVIII – nach. XX v.)* [Buddhism and the Empire. Buryat community in Russia (XVIII – early XX century)]. Ulan-Ude, Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS Publ., 2013, 338 p.
24. Sharipov R. G. *Dukhovnaya kultura drevnetyurkskoy tsivilizatsii: Mentalitet. Religiya. Iskusstvo. Epos* [Spiritual Culture of Ancient Türkic Civilization: Mentality. Religion. Art. Epos]. Ufa, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Science Center of RAS, 2015, 154 p.
25. Porcio T. *The Turkic peoples of Central Asia and Buddhism*. *Mongolica Pragensia*'15. Linguistics, Ethnolinguistics, Religion and Culture, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 16–42.